

Власть, ответственность и согласие в российском социуме

Б. И. Зеленко*

Аннотация. Статья посвящена взаимозависимости качества власти, ее ответственности и согласия в российском обществе. Учитываются эмпирика и онтология власти. Последние свидетельствуют о малоэффективности российской власти в контексте общественно-политического согласия.

Ключевые слова: качество власти; ответственность власти; общественно-политическое согласие.

Power, Responsibility and Acceptance in Russian Society

B. I. Zelenko

Abstract. The article is devoted to the quality of the interdependence of power and its responsibility and harmony in Russian society. Take into account the empiricist and ontology of power. Recent evidence on the ineffectiveness of Russian power in the context of social and political consensus.

Keywords: quality of power; responsibility of power; social and political consensus.

Предложенная тема актуальна в контексте общественно-политического согласия в России. Новый порядок жизни требует и нового осмысления качества власти, ее ответственности и согласия в российских реалиях. Детерминированность последних очевидна. Одно предполагает другое. В таком контексте проблема общественно-политического согласия видится в непростом ракурсе. Диффузия качества и ответственности позволяет сделать это. Однако, несмотря на аксиоматичность переплетения этих свойств, с властью в России все гораздо сложнее. Бесспорно, основную ответственность за наличие в социуме протестных проблем или согласия несет существующая власть, которая не может быть обращена только на саму себя как субъекта на субъект. Это извращение существа и функций государственного управления, что фактически и произошло в России¹.

Так сложилось, что в начале XXI века высшее управление в России олицетворяют двое властвующих акторов. Двойная персонификация власти актуализирует вопрос о ее качестве. Эффективна она будет в той степени, в какой им удастся обеспечить согласие в социуме. Иначе говоря, согласие выступает как приоритет качественного госуправления, направленного на взаимодействие сторон и снятие напряженности. Для достижения этого, как утверждается в политической философии, нужно пройти четкую цепочку позитивных действий и преобразующих мероприятий, чтобы реально подойти к общественному согласию и обеспечить его. Во-первых, сосредоточиться на разрешении совместными усилиями одного ведущего противоречия в социуме за другим, создавая тем самым общую объективную почву в общественной реальности для согласия. Во-вторых, на

*Зеленко Борис Иванович — доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: Zelenko5@rambler.ru.

¹ См. Семенов В. С. Диалектика конфликта и согласия в условиях современной России. Конфликты и согласие в современной России. М.: ИФРАН, 1998. С. 13.

основе этого сближать и во многом совмещать (если не объединять полностью) различающиеся и противостоящие интересы разных социальных групп, отраслевых структур и власти, регионов и центра. В-третьих, посредством этого значительно сблизить друг с другом сознательно разделяемые позиции движений, объединений, партий, выражающих социополитические интересы определённых социальных групп, отраслей, регионов. Ныне это сознательно разделяемые и отстаиваемые позиции, поскольку объективные противоречия в социуме кардинально не решаются, в подавляющей части антагонистичны².

В свете этих направлений власть стоит перед дилеммой: *развиваться в русле патернализма или перехода к партнерству*. Властям проще культивировать и продолжать первое. Однако в XXI веке новые поколения россиян постепенно «перерастают» патернализм, что подтверждается политической практикой. Это существенно меняет их ментальность. Куда сложнее культивировать партнерство. По Друкеру, партнерами нельзя управлять, можно только направлять их. В основе партнерства — конвенциональные отношения, что составляет *суть согласия*. А оно, как упоминалось, должно быть приоритетом эффективного госуправления. *Движение к партнерству должно возобладать у власти*. Обусловлено оно как протестной напряженностью в социуме, так и *эмпирикой и онтологией качества власти* в России.

I. *Эмпирика* представлена как внешней, так и внутренней социологией. Существует глобальное исследование и сопровождающий его рей-

тинг стран мира (212 государств) по показателю качества и эффективности госуправления. Рассчитывается по методике Института Всемирного банка с 1996 года³. Используется шесть индексов, отражающих различные параметры госуправления, исходя из высшего балла в 100 единиц рейтинга:

№ 1. Учет мнения (право голоса) населения и подотчетность (контроль) государственных органов;

№ 2. Политическая стабильность и отсутствие насилия;

№ 3. Эффективность работы правительства;

№ 4. Качество законодательства;

№ 5. Верховенство закона;

№ 6. Сдерживание коррупции.

Эти параметры основываются на определении госуправления как совокупности традиций и институций, с помощью которых органы государственной власти управляют страной. Сингапур, США, Франция, Дания, Германия, Великобритания, Швеция, Норвегия, Финляндия и другие далеко впереди РФ по рейтингам, индексы которых колеблются от 60 до 100 единиц.

Как видно из табл. 1, по праву голоса и контролю за властью Россия на одном уровне с Габонем и Палестинскими территориями; по политической стабильности и отсутствию насилия РФ недалеко от Бурунди; по эффективности правительства чуть выше Габона; по качеству законодательства соседствует с Габонем и Йеменом; по верховенству закона Россия наравне с Йеменом; по сдерживанию коррупции таблица говорит сама за себя.

Таблица 1.

Рейтинг стран мира по методике Института Всемирного банка (выборочно), 2009 год

Государство	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6
Россия	22	24	45	31	20	15
Габон	24	53	26	28	32	12
Бурунди	28	10	10	12	14	16
Йемен	16	6	13	24	19	27
Кот-д'Ивуар	13	5	7	17	4	7
Палестинские территории	22	7	7	14	22	10

² См. Семенов В. С. Диалектика конфликта и согласия в условиях современной России. Конфликты и согласие в современной России. М.: ИФРАН, 1998. С. 31.

³ Доклад Института Всемирного банка о качестве государственного управления [Электронный ресурс]. URL: gtmarket.xu/news/state/2009/07/10/03/2242 (дата обращения 30.08.2012).

Таблица 2.

Рейтинг российской власти в сравнении с бывшими советскими республиками

Государство	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6
Россия	22	24	45	31	20	15
Латвия	73	59	70	81	71	65
Эстония	83	67	84	92	85	79
Литва	72	72	72	85	67	63
Украина	47	44	33	39	31	28
Беларусь	7	61	12	10	18	24
Казахстан	19	64	39	40	24	16
Узбекистан	2	18	27	6	10	11
Таджикистан	10	21	17	16	12	14
Молдова	39	32	24	48	41	31
Грузия	40	16	60	69	44	51
Армения	29	44	53	62	43	35
Азербайджан	19	29	31	43	25	14

Таблица 3.

Рейтинг России со странами, охваченными социальными потрясениями (выборочно)

Государство	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6
Россия	22	24	45	31	20	15
Египет	14	23	43	49	53	29
Ливия	2	63	18	29	29	22
Мали	57	36	22	41	43	38
Сирия	5	27	28	13	34	12
Тунис	12	54	65	56	59	57

Как видно из табл. 2, РФ опережает всего лишь три страны: Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан. Причем не по всем индексам качества власти.

Если сопоставить в сравнимых измерениях, то индексация эффективности госуправления свидетельствует, что власть в России находится в предфрустрационном ожидании. Рейтинг ее качества ничем не отличается, а в ряде случаев ниже рейтинга вышеупомянутых стран, находившихся или находящихся в состоянии перманентной фрустрации.

Внешняя социология дает внешнюю оценочную эмпирику госуправления в России. Мониторинг «изнутри» представлен отечественной социологией, более полно освещающей проблемы российской власти. С 2005 по 2011 год группой «Циркон» было проведено фундаментальное исследование «*Качество власти: восприятие и представление населения*». Опрошено 1605 респондентов в 140 населенных пунктах 33 субъектов Российской Федерации⁴.

Предложенные в опросе характеристики российской власти были в основе своей положительными. Большинство россиян считают, что нынешней российской власти не свойственно в полной мере ни одно из этих качеств. Четверть респондентов вообще не смогла выбрать ни один из 19 предложенных вариантов ответа⁵. Как правильно фиксирует социология, подобные трудности с трактовкой деятельности российской власти в общественном мнении — достаточно тревожная тенденция. Для большинства россиян действия властей оказываются *неочевидными* либо *неоднозначными* по своей трактовке.

Среди качеств, приписываемых власти, наиболее часто, называют:

- силу (22 %),
- современность (21 %),
- активность (20 %).

⁴ Проект «Качество власти: восприятие и представления населения». Аналитический проект по результатам всероссийского опроса населения (версия от 01.11.2011). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zircon.ru> (дата обращения: 30.08.2012).

⁵ Там же.

Результаты опроса о характеристиках российской власти (в %)

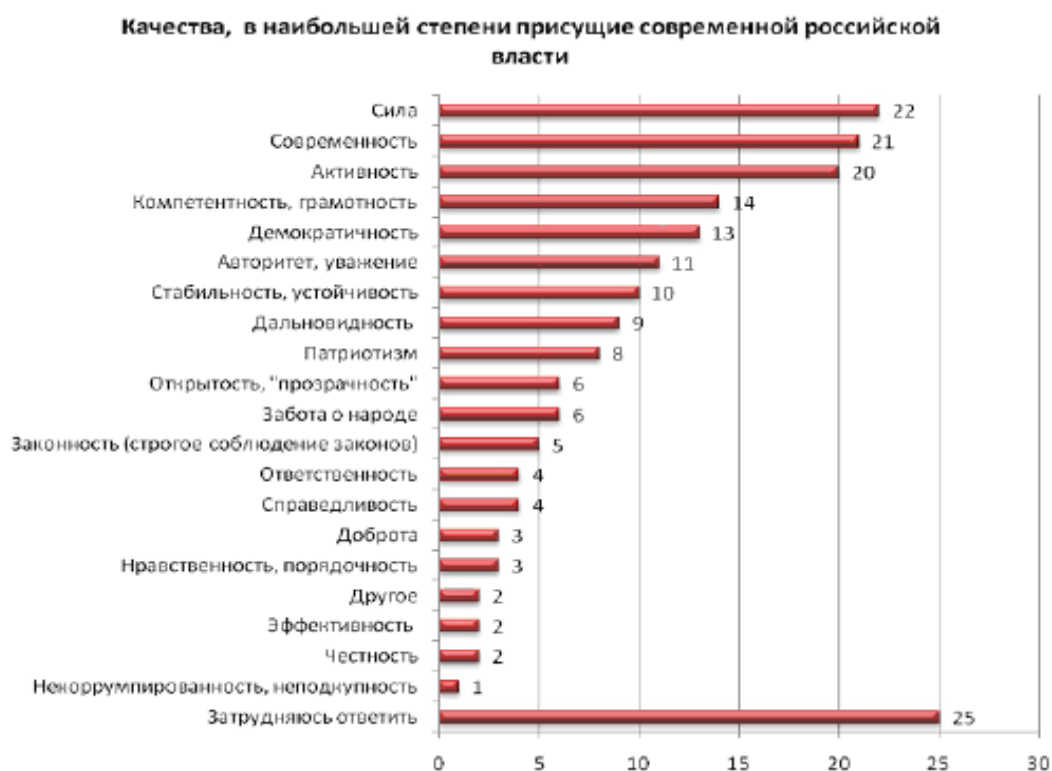

Рис. 1

В свою очередь, среди качеств, нехватка которых для современной политической власти в России наиболее ощутима, россияне выделяют, пре-

жде всего, заботу о народе (44 %), неподкупность (36 %), законность (30 %), честность (25 %) и справедливость (18 %) (см. рис. 2).

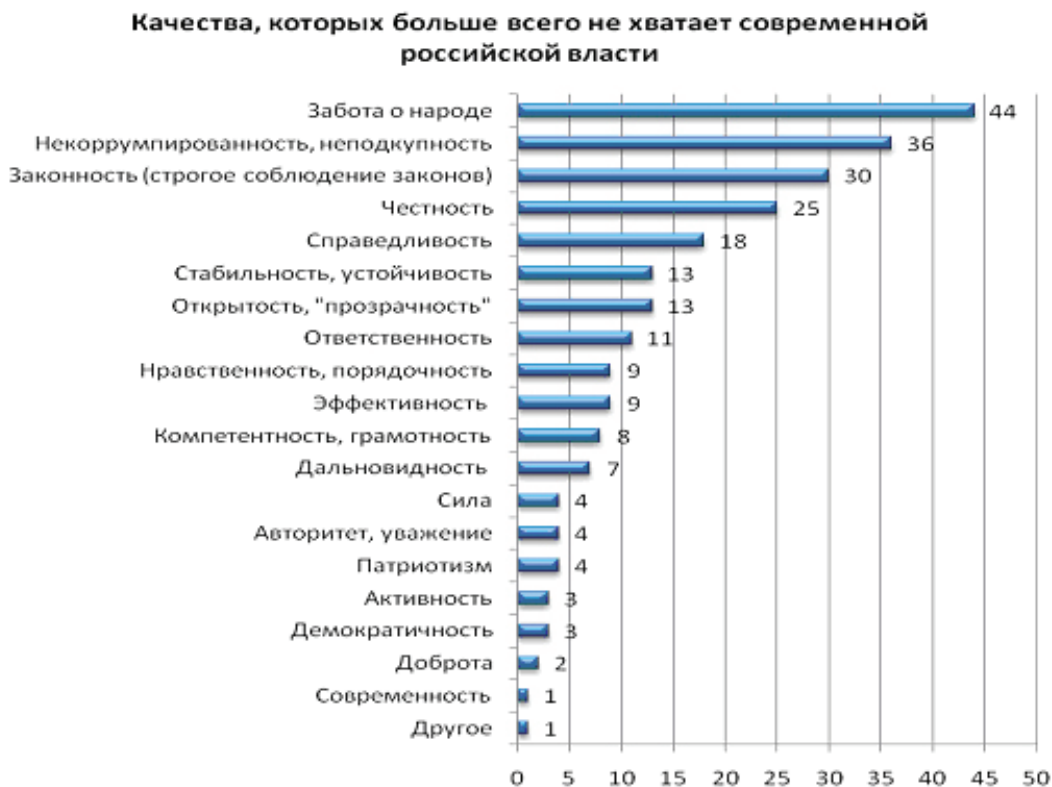

Рис. 2

На вопрос, что нужно предпринять, чтобы власть в России стала лучше, более качественной, опрошенные ответили следующим образом (см. рис. 3):

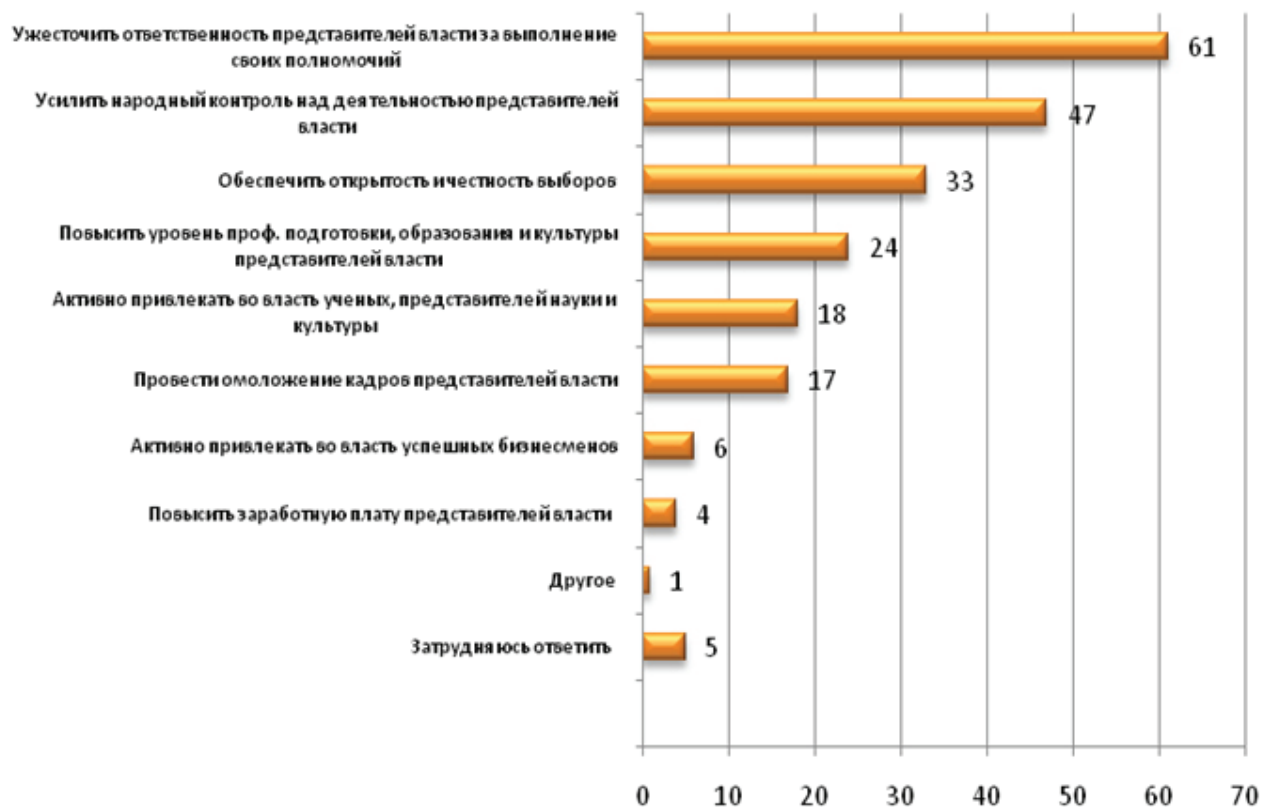

Рис. 3

Наибольшей популярностью пользуется *усиление ответственности власти и ее контроль* (за это высказались соответственно 61 % и 47 % опрошенных). Россияне акцентируют внимание на непрозрачности функционирования власти, на отсутствии обратной связи между властью и социумом. Отсюда усиление всеобщего недоверия к власти и ее коррумпированность. Аналогичное отношение и к выборным процедурам.

Анализ эмпирики позволяет «уловить» прямую корреляцию в подходе к оценке эффективности госуправления в России западных и отечественных социологов. Во всяком случае, большинство индексов Института Всемирного банка в отношении рейтинга власти в РФ совпадает с оценками опрашиваемых россиян.

В 2005 году социологи выявили наличие в массовом сознании двух парадигм восприятия власти: «власть-отец», то есть патернализм, и «власть-менеджер», то есть партнерство. Для первой парадигмы был отмечен выбор таких качеств, как «забота о народе», «справедливость», «четкость». Для второй — «ответ-

ственность», «компетентность», «некоррумпированность», «законность», «дальновидность» (и в некоторой степени «демократичность»). По мнению ученых «Циркона», данные опроса уже в 2011 году в целом подтвердили устойчивость двух парадигм восприятия власти.

Однако их вывод по крайней мере спорен. Социологи сами себя опровергают. Достаточно взять «процентный» аргумент в пользу патернализма из таблицы I и II (соответственно от 1 % до 22 % и от 1 % до 44 %) и в отношении партнерства из таблицы III (от 4 % до 61 %). Движение в сторону последнего просматривается, как сейчас принято говорить, «отцифровано».

Онтология в некотором роде созвучна приведенной эмпирике. Причем в политологии и политической философии не существует устоявшейся методологии качества власти. Тем не менее опорные точки можно «нащупать» через эпистемологию власти вообще. По Веберу, феноменология осуществления власти зависит от ее ресурсов и ситуации. Общим моментом является то, что властные отношения интер-

претируются в них как отношения двух партнеров, воздействующих друг на друга в процессе взаимодействия. Отмечаются три подхода: теория сопротивления, обмена ресурсами и раздела зон влияния. В первом случае субъект власти подавляет сопротивление объекта; во втором — перераспределяет политические ресурсы через социальный обмен для достижения симметричности в политическом поле. Заметим, что *власть в России это «успешно» практикует*.

Согласно Этциони, политические ресурсы подразделяются на принудительные, утилитарные и нормативные. К принудительным ресурсам власть прибегает тогда, когда старается изыскать дополнительные средства для большего ограничения свободы другого. В этом случае характерен российский пример с протестным движением так называемых «разсерженных горожан». Использование утилитарных ресурсов позволяет преодолеть сопротивление через согласие объекта в обмен на ресурс, который ему необходим. Иллюстрацией является факт выдвижения властью ярых оппозиционеров Н. Белых, Д. Рогозина и других в госструктуры. Посредством же нормативного ресурса субъект власти блокирует сопротивление объекта с помощью убеждения. И этим старается вызвать согласие другого через изменение его намерений и поступков.

Сказанное подводит к выводу: *в России* происходит, в той или иной мере, сосредоточение первых двух ресурсов в одних руках и использование их в политических целях. Вместе с тем напрочь игнорируется использование нормативного ресурса. Это *свидетельствует* о складывающейся *монополизации власти*, ведущей так или иначе к политической коррупции, а следовательно, к снижению ее качества. Поэтому власть в России является *интегральной*, при которой, согласно Ронгу, принятие решений и инициатива к действию монополизированы только одной стороной. Ей противопоставляется *интеркурсивная власть*, характеризующаяся балансом отношений власти и разделением сфер влияния между сторонами. Интеркурсивная власть там, где власти одной из сторон противостоит власть другой,

где есть процедуры переговоров и совместного принятия решения на основе согласия. По Ронгу, интегральная власть может быть ограничена контролем за ней, пересмотром ее властвующего статуса или перемещением и заменой, установлением границ компетенции. Если подобные меры реальные, а не являются выхлопными клапанами, вроде конституций, то должны возникать источники власти, независимые от интегральной власти. В социуме должны существовать центры, реально противостоящие интегральной власти, ограничивающие ее. Заметим, что что-то подобное в России начало возникать, хотя и в зачаточном состоянии.

Эффективность власти касается и методов ее влияния. Речь идет о реализации власти, о механизме ее социального воплощения. Отсюда проблема соотношения власти и влияния становится центральной. В условиях демократизации возникает проблема качественного перехода от принудительного властвования к относительно добровольному принятию социумом властных решений. Переход от власти к влиянию означает стремление устранить асимметрию взаимоотношений, присущую властному типу. Власть — это когда решение принимается вне пределов объекта власти, влияние — когда индивиду предлагаются альтернативы, тогда происходит совпадение самого принятия решения и социального действия. Но для этого нужна обратная связь, обратное влияние⁶. Модная сегодня технология «краудсорсинга» позволяет реализовать *взаимовлияние субъекта и объекта власти*. По мнению Грефа, социальный спрос на перемены высок, поэтому к политическим рискам современной России следует относиться как к вызову времени, ведь именно они породили возможность открытых дискуссий в социуме. В XXI в. уже нельзя ставить задачу формирования гражданского общества методами прошлого столетия. Систематизированный *обмен идеями посредством сетевых технологий* сделает соучастниками госуправления людей, обладающих гражданской позицией. Их воплощение в реальном политическом проекте означало бы позитивный контакт. От себя добавим, и *реальное партнерство*. А если та-

⁶ См. подробнее: Сборник Технологии власти (философско-политический анализ). М.: ИФРАН, 1995. С. 44–50.

ких будет много, это приведет к тому, что через методологию «краудсорсинга» в России станут чрезвычайно ощутимыми такие понятия, как гражданское участие и гражданская экспертиза. В США, в отличие от России, «краудсорсинг» стал директивой всем органам власти. Приоритет для президента Обамы в словах: «Правительство должно быть построено на принципах общественного участия, что повышает эффективность его работы и улучшает качество принимаемых решений. Знание распределено в обществе; доступ к этому распределенному знанию является важным ресурсом для государства. Департаменты и агентства должны предоставить американским гражданам возможность для участия в принятии политических решений и расширить возможности правительства путем улучшения доступа к информации и экспертному знанию». В России «краудсорсинг» приживается пока в виде «Открытого правительства», системы «Российская гражданская инициатива», возможной должности замруководителя по «краудсорсингу» не только в президентской администрации, но и на всех уровнях исполнительной власти, начиная с мэра. Начало положено, хотя оно и носит симулятивный характер. Свидетельство этому *паллиативность* направлений, инициированных властью: «Молодые профессионалы», «Кадровый резерв» и т. д. Пока рано говорить о влиянии, означающем более равноправный процесс.

Основная роль политического влияния принадлежит партиям как основному средству связи между социумом и властью. С одной стороны, партсистема обеспечивает правящим акторам сохранение власти, в идеале — приспособливает существующий строй к новым вызовам. С другой стороны, поддерживает функционирование институтов власти, служа своеобразным буфером от потрясений, и обеспечивает им некую стабильность. Западные политологи считают, что в конечном счете политические партии существуют для того, чтобы заполнять вакантные государственные должности. В литературе отмечаются два вида политической поддержки партии индивидами — специфическая и диффузная. При пер-

вой индивид поддерживает лишь постольку, поскольку это дает ему какие-то личные выгоды, и прекращает поддержку в случае, когда она становится для него невыгодной. Вторая же, напротив, основывается на совпадении долговременных интересов индивида и партии, и относительно независима от эпизодических *флуктуаций*⁷. Складывается так, что целеполагание российского электората в большинстве случаев строится по первому виду. Способность «заглядывать» за политические горизонты пока не всем доступна. Более того, постоянное пребывание у власти партии «Единая Россия» приводит электорат к отождествлению последней с политсистемой. Значит, ее замена другой партией равносильна смене политсистемы, причем не исключаются политические катаклизмы. Во избежание этого властью предпринимается *перегруппировка* сил как внутри «Единой России», так и вне ее. Создаются «*фланкирующие*» организации типа «Народного фронта» (далее — «НФ»). У «НФ» всего лишь *примыкающая* функция, призванная усилить влияние власти на различные социальные слои и группы. У «НФ» задачи «спа-сать» «Единую Россию» не было. Доказательством стала непримиримая «*дележка*» депутатских мандатов в Думу 2011 года. Несомненно просматривается *тенденция к атомизации провластных партструктур*, что также расшатывает российскую политсистему. В пользу этого говорит *своеобразие* выборов в России в 2011–2012 годах. В идеале выборы — важнейший механизм осуществления взаимного политического влияния, регулирующий массовое политическое поведение. Однако у политологов принято расценивать выборы как создающие иллюзию принятия гражданами политических решений, так как они, во-первых, ничего не требуют от избранных, а всего лишь выражают коллективное согласие, во-вторых, избирают только властвующих акторов, не принимая непосредственного участия в формировании их политического курса. Выборная ситуация в РФ 2011–2012 годов, сильно смахивающая на социально-политическую *фрустрацию*, не поддается сиюминутному анализу. Она обусловлена перманентной *антиномией*

⁷ См. подробнее: Сборник Технологии власти (философско-политический анализ). М.: ИФРАН, 1995. С. 144

(двусмысленностью и внутренним противоречием) тех посылов, которые лидеры страны адресуют российскому социуму. Для полноценной оценки необходимо время и отстраненность в суждениях. *Особенно после невнятных выборов и внятной их критики.* Тем не менее акцентируем внимание на том, что выпал главный элемент качества власти — её *респонсивность*, чувствительность власти к запросам социума. Поэтому *стабильность носит относительный характер.* Развитие же, детерминированное сегодняшней активностью среднего класса, требует его включенности в функционирование политической системы. Данный класс весьма низко оценивает способность власти соответствовать общественным запросам. Он заявляет ей свои собственные представления, как власть должна реагировать на приоритеты социума в виде протестных митингов.

Власть это чувствует, но реагирует *паллиативно*. Ее возврат к нормативам electoralной демократии 90-х годов XX века выглядит неуклюже, а потому беспомощно. Вместо стратегии — тактические ходы, ведущие в конце концов к отмене заявленных инициатив. Власть никак не решится на поступки, отвечающие требованиям XXI века. Однако социум не хочет ждать, и власти придется идти на тот или иной конструктив. Все как будто бы идет к необходимости *замены партократии на более респонсивный институт* учета мнений граждан. Партии «выдохлись» в своей представительской миссии.

Политология фиксирует: в современном мире *партии* воспринимаются как эффективная *форма отчуждения* политических ресурсов граждан в пользу элит. Европа народов, Европа граждан, а не Европа партий — лозунг Европейских интеллектуалов на ближайшую историческую перспективу. Политические партии утратили социальную базу своего существования, а проводимая ими борьба за государственную власть препятствует процессу стабилизации той или иной страны. Необоснованно укоренилось мнение, будто политика составляет прерогативу лишь политических партий.

Происходит постепенный процесс возвращения к приоритету непосредственной демократии, государству и парламентаризму без политических партий. В парламент избираются депутаты, а не члены партии. Известно, что он является не партийным органом, а законодательной ветвью. Поэтому спорно рассматривать победившую партию как «парламентское большинство». Во власть должны идти не партийные функционеры и вожди, а избранные народом наиболее достойные.

Поствыборные события 2011-2012 годов в России свидетельствуют о требованиях прямого диалога митингующих с властью. Причем митингующие в своем большинстве беспартийные. Существующая партийная система не может обеспечить этот диалог. Выход видится в замене соответствующих элементов в политической системе, то есть *смене принципа партократии на принцип меритократии.* Последняя является наиболее респонсивным институтом как власть достойных, при которой отменяются выборы по партийным спискам и восстанавливается *мажоритарная* система. По Солженицыну, голосование по безликим партийным программам, названиям партий фальшиво подменяет единственный достоверный выбор народного представителя: *именного кандидата — именным избирателем*⁸.

Властвующие акторы, как тот или другой, могли бы взять на себя историческую миссию модернизаторов в этом диалоге. Историческое зрение, присущее качественной власти, должно было бы их подвигнуть к этому.

Ключевым вопросом власти является ее *адекватность* целям, задачам, возможностям, стратегиям, то есть это всегда вопрос ее эффективности. В отсутствии такой адекватности возникает утопия. Как ее распознать? Политология предлагает свой рецепт⁹. Утопия начинается тогда, когда дефекты власти не распознаны или замечены поздно, либо замечены, но не признаны и исправлены. Тогда возникают иллюзии относительно целесообразности нереального на деле политического курса. В аналитике это называются «зоной насыщения», когда властный потенциал исчерпы-

⁸ См. подробней: Карапетян Л. М. Диалектика перехода от партократии к меритократии // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 29–33.

⁹ См. подробнее: Сборник Технология власти (философско-политический анализ). М.: ИФРАН, 1995. С. 86.

вается и возникает коррелятивный ему потенциал иллюзии успешно продолжающейся политики. К ней тесно примыкает так называемая преднамеренная утопия, идеологически санкционированная и сознательно примененная. Она аберративна, принимает желаемое за действительное. На политическом поле России это «работает» уже давно. Квазимодернизационные инициативы власти в большинстве своем иллюзорны. Недавний пример с майскими Указами Президента 2012 года в той или иной мере подтверждает это. Экономисты Центра развития Высшей школы экономики считают, что они невыполнимы. Невозможно увеличить производительность труда и инвестиции таким путем, каким хочет глава государства. От Указов веет воспоминанием о китайском великом скачке, — отмечают эксперты. Они видят в них отголоски плановой экономики СССР, а также попытки административно регулировать рыночные или демографические показатели. Есть опасность, что показатели станут самоцелью и будут просто нарисованы. Но самое главное — экономисты не нашли в Указах *целостной политики*. Мало описать, что должно быть сделано, надо еще объяснить, как это будет делаться. Далее, призыв премьера опираться на общественные советы при ведомствах похож больше на пиар, чем на реальность. По мнению М. Делягина, власти не на шутку встревожены непрекращающимися протестами и поэтому решили создать «новые кормушки» для потенциальных лидеров рассерженных горожан.

Так или иначе синдром преднамеренной утопии постоянно присутствует во властной риторике, нарушая принцип *адекватности*. Но политическое время ограничивает такие вещи. Тем более что усиление потенциала иллюзии успешно продолжающейся политики сигнализирует об «истощении» властного потенциала.

Отметим, что преднамеренная утопия, отвергающая рациональное начало в политике, — крайняя форма проявления утопического сознания и весьма распространенное явление политического авантюризма. Утопическая политика может быть и результатом рассогласования политических и общественных отноше-

ний. *Время истории и время политики могут не совпадать*. Ускорение развития одних частей общественного целого неизбежно приводит к отставанию других его частей и потому может привести к негативным последствиям этого целого¹⁰. Так, в развивающихся странах экономические преобразования всегда опережали политические, тем самым создавая дисбаланс внутреннего развития. Между тем одно должно «подтягивать» другое. В России с точностью до наоборот: приоритет политического над экономическим. Построен, по существу, *политический капитализм на основе «авторитаризма развития»*. Последнее чревато модернизационными ловушками и напряженностью в обществе. Сегодня мы это наблюдаем. Российская государственная *власть эклектична: авторитаризм в политике, либерализм в экономике*. Смешиваются разнопорядковые элементы как «сильного», так и «слабого» государства, тормозящего инициирование модернизации, гармонизацию экономико-политических реформ. В итоге «авторитаризм развития» как эклектичный альянс «слабого» и «сильного» государства, попавшего в модернизационные ловушки и ловушки электоральных злоупотреблений, приводит *социум к фрустрации*. Иначе говоря, социальная напряженность постепенно приближается к политическим трансформациям. Причины в основном в отсутствии должной синхронизации и гармонизации политических и экономических преобразований, адекватного подхода к развитию страны.

II. Несомненно, что *качество власти имманентно ее ответственности*. Социологический замер выявил, что 61 % россиян выступают за усиление ответственности представителей власти при выполнении своих полномочий. Но как такового института политической ответственности в России не существует. Воспринимается он скорее в *эвентуальном смысле*, то есть равнодушном отношении власти к последствиям тех или иных ее поступков. Между тем мировая тенденция свидетельствует об усилении ответственности власти перед социумом. В странах с развитыми демократиями отчасти уже прижилась политико-правовая

¹⁰ См. подробнее: Сборник *Технология власти (философско-политический анализ)*. М.: ИФРАН, 1995. С. 91

парадигма, суть которой — власть вторична, производна, подконтрольна тому, кто является ее источником, то есть народу. В России все складывается иначе, что обусловлено как объективными обстоятельствами (далекими от завершенности процессами становления в России гражданского общества, правового государства; институализации места и роли политической ответственности, которая находится в начальной стадии формирования), так и субъективными моментами (серьезными пробелами в нормативно-правовой базе, недостаточностью исследований названной проблематики, необходимостью дальнейшего их углубления, поиска оптимальных взаимоотношений между правовым государством и гражданским обществом, их эффективной роли в становлении политической ответственности как института).

Назрела необходимость концептуальной разработки института ответственности в политике, что даст возможность решить и прикладную задачу: построение конкретного механизма политической ответственности, общие черты которого автором и обозначены в ранних работах. Так, одним из главных средств согласования воли субъектов политического процесса является постоянно действующая политическая ответственность. Ее цель — в создании для социума в целом и для отдельных его членов большей защищенности как необходимого условия для развития партнерских отношений на основе согласия и, что самое главное, как реального индикатора демократического состояния того или иного общества, особенно в кризисные периоды. В этом качестве политическую ответственность, вслед за конституционной, можно рассматривать как одно из атрибутивных свойств демократического правового государства.

Политическая ответственность — это ответственность не только перед обществом, но и прежде всего *перед законом*. отождествляя политическую ответственность с конституционной (и это совпадает с позицией ряда юристов), можно говорить о возможной юридической природе данного вида ответственности. Зарубежная практика отчасти подтверждает такой подход: в Южной Корее и Украине привлечены к уголовной ответ-

ственности высшие должностные лица именно за принятие политических решений, приведших к значительному ущербу для их стран. В этих условиях четко прослеживается трансформация политической ответственности частично в юридическую, в частности уголовную. В этой связи особенно характерен судебный процесс над экс-премьером Украины Юлией Тимошенко.

С этих позиций политическую ответственность можно определить как *ответственность всех субъектов политического процесса перед законом за данные и возложенные обязательства (обещания) в форме подотчетности и соблюдением морального долга*.

В этом случае институт политической ответственности может выступать неким ресурсным механизмом в виде так называемой «политической страховки»: реальный спрос с политиков как за невозврат обществу политического кредита, так и за возможный ущерб, который они могут (с умыслом или без него) причинить как своим гражданам, так и государству. Никакой критики не выдерживает утверждение некоторых специалистов о том, что неправильное, ошибочное решение даже самого высшего должностного лица может быть отменено взамен ответственности перед законом.

Что касается российских реалий по применению политической ответственности, то они оставляют желать лучшего. Действующее законодательство, хотя и опосредованно, но говорит: *чем выше уровень власти, тем менее четко прописана в нормативно-правовых актах ее ответственность*.

Обобщая сказанное, видим: вопрос согласия в контенте качества и ответственности власти в РФ крайне сложен. Ответ неоднозначен. Излагая операционально, учитывалась эмпирика и онтология власти. Последние свидетельствуют о пока слабой *эффективности* российской власти. Политическая *ответственность отсутствует* вследствие вакуума соответствующих практик. *Растет* политическое *отчуждение*, при котором социум с трудом «различает» субъекта власти. Объект лишь осуществляет контекст собственной жизни при той или иной власти. Причем ставится жить в рамках закона, а следовательно, вне коррупции, что сложно. Весьма утопич-

на при настоящих реалиях корреляция согласия с партнерством и конвенциональностью отношений.

Вместе с тем показана сложность взаимовлияния субъекта и объекта власти, культивирование его эффективности как первичного в политическом пространстве. *Согласие* здесь как *субстрат взаимодействия* разных политических акторов.

Искусственно суживая вопрос до известной минимизации властвующих акторов (думвирата), тем самым подчеркиваем российскую специфику. Она в знаковых разночтениях и противоходах в сфере их политдеклараций. Один властный актор (в 2011 году) выступает с темой демонтажа существующей политической системы, то есть некачественной власти. Другой этого избегает. Один тяготеет к конвен-

циональным отношениям, другой — к патерналистским. Один полагает, что свобода лучше, чем несвобода, другой предпочитает, чтобы был порядок, чем беспорядок.

В силу этого *затруднен* политический анализ происходящего. Хотя он же и свидетельствует о некоем оптимизме во всем этом деле. Реальность такова, что субъекты и объекты власти реально обучаемы и обучающиеся.

Прикладные политологи в массе своей подменяют политику политическим маркетингом. Получая гранты под проекты, они такой подход и транслируют «наверх», что негативно сказывается на качестве упомянутой «учебы». В отличие от них, фундаментальная политология последовательна в своей спецификации. Подтверждением этого, как мы надеемся, и является предложенный материал.

Литература

1. Семенов В. С. Диалектика конфликта и согласия в условиях современной России // Конфликты и согласие в современной России. – М: ИФРАН, 1998.
2. Технология власти (философско-политический анализ). – М.: ИФ РАН, 1995. – 163 с.
3. Карапетян Л. М. Диалектика перехода от партотократии к меритотократии // Вопросы философии. – 2010. – № 4. – С. 29–33.